

— И он просто ушёл?

— Да, ушёл, не попрощавшись ни с кем, — ответила Хэ Жао. — Спустя несколько месяцев после его отъезда чиновника по фамилии Тан вырезали вместе со всей семьёй. Мы все думаем, что это его рук дело.

Чэн Суюэ продолжила расспросы:

— А потом? Кто-нибудь ещё его видел?

Хэ Жао слегка замешкалась:

— Нет, больше никто.

— Подумай хорошенько, прежде чем отвечать, — Лян Шу смотрел на неё свысока. — Я расследую это старое дело, и сейчас ты — единственная зацепка. Если здесь не вспомнишь, продолжим в другом месте.

— Но я правда ничего не знаю.

— Не спеши, — Чэн Суюэ говорила дружелюбно. — Если после пыток ты всё равно не проронишь ни слова, мы поверим, что госпожа Чан ничего не знает. Просто процесс будет кровавым, заранее извини. Может, я прямо сейчас извинюсь?

Хэ Жао побледнела как полотно.

— В общем, мой князь убил множество людей, и не все они были виноваты, — Чэн Суюэ хлопнула в ладоши и поднялась. — Кое-кто просто оказался не в том месте не в то время. Тебе просто не повезло, госпожа Чан. Эй, увести её!

— Я видела его! — выкрикнула Хэ Жао.

— О? — отозвалась Чэн Суюэ.

Слава о жестокости князя Сяо была известна по всей стране. Хэ Жао, не выдержав давления, наконец проговорила сквозь зубы:

— Я видела Фэн Сяоцзиня. Недавно. Я искала его, чтобы... чтобы...

Чэн Суюэ закончила за неё:

— Чтобы убить Чан Сяоцю?

Чан Ваньли вскочил с места, поражённый:

— Что?!

— Господин Чан, не волнуйтесь, — успокоила его Чэн Суюэ. — Ваш сын сейчас в полном порядке.

И правда, в порядке.

В лечебнице «Кантай» на востоке Города Белого Журавля юноша сидел во дворе, греясь на солнце. То был сын Чан Ваньли, Чан Сяоцю. По сравнению с тем полумёртвым состоянием, в

котором он пребывал на горе за городом, теперь его лицо было здоровым и румяным. Только нога всё ещё не срасталась, да и настроение, судя по всему, оставалось подавленным.

Чан Сяохань отправился за сладостями и по дороге встретил Лю Сюаньяня.

— Чудесный врач! — обрадовался он. — Когда вы вернулись?

Лю Сюаньянь, как раз обдумывавший план путешествия, вздрогнул, когда его дёрнули за рукав. Подняв голову и узнав Чан Сяоханя, он спросил:

— Как поживает ваш молодой господин?

— Гораздо лучше, сейчас он в лечебнице «Кантай». Доктор Чжан говорит, что жизни ничего не угрожает, но... эх, он сильно подавлен, считает себя ни на что не годным.

Беседуя, они вместе вернулись в лечебницу. Чан Сяоцю всё ещё сидел во дворе, уставившись на сломанную ногу, будто уверенный, что больше никогда не встанет. Услышав скрип калитки, он даже не пошевелился, опустив голову так низко, что та чуть не уткнулась в землю.

— Молодой господин, — позвал Чан Сяохань. — Почему ты снова на земле?

Он поставил сладости и попытался помочь ему подняться, но Чан Сяоцю упрямо отстранился. Пытаясь встать сам, он пошатнулся, прислонился к стене и с досадой вымолвил:

— Если эта нога так и не заживёт, то мне и жить незачем. Лучше умереть.

— Можно и так, — сказал Лю Сюаньянь.

Чан Сяоцю, не ожидавший, что во дворе есть кто-то ещё, вздрогнул. Подняв голову, он увидел человека прекрасной наружности и изящных манер, похожего на бессмертного, но слова того прозвучали странно:

— Что значит «можно и так»?

— Ты сказал, что не хочешь жить. Я сказал, что можно и так, — пояснил Лю Сюаньянь.

Чан Сяоцю запнулся:

— Ты кто такой?

— Молодой господин, не будь груб, — поспешил представить его Чан Сяохань. — Это господин Лю Сюаньянь, чудесный врач из Поместья Белого Журавля, что спас нас в горах.

Чан Сяоцю не поверил:

— Какой же это врач, если уговаривает человека умереть?

— Я не уговариваю тебя умереть, ты сам этого хочешь, — Лю Сюаньянь принёс стул. — Если сердце уже близко к смерти, к чему мне уговаривать его вернуться к жизни? Это и хлопотно, и результат может быть не лучше. Хочешь умереть — так умри. В конце концов, все рождаются и умирают, ничего особенного.

Чан Сяоцю: «...»

Убирайся!

Чан Сяоцю, пятнадцатилетний юноша из зажиточной семьи, привыкший, что его окружают слуги и льстецы, переживал тот возраст, когда себя особенно ценишь. Слова Лю Сюаньаня о том, что и жить можно, и умереть не возбраняется, он воспринял как пренебрежение и с вызовом буркнул:

— Думаешь, меня так легко спровоцировать?

— Я и не пытаюсь, — терпеливо объяснил Лю Сюаньань. — Жизнь и смерть — что день и ночь, удача и несчастье — что радость и горе. Поймёшь это — поймёшь и мои слова.

Чан Сяоцю не то что не понял — он и понять-то не стремился. В своём отвращении к «нечеловеческим» речам он был твёрдо заодно с Лян Шу. Мудрецы вещали, что надо спокойно переносить гром и молнию, а Чан Сяоцю мечтал самому стать той самой молнией, что заставит мудрецов заткнуться и прекратить свои поучения.

Чан Сяохань сказал:

— Доктор Чжан говорит, для полного заживления ноги молодого господина потребуется месяцев три.

— Лечебница «Кантай» славится лечением переломов, их диагноз, скорее всего, точен, — заметил Лю Сюаньань. — Но позже можно будет лечиться и дома, не обязательно здесь оставаться.

Когда Чан Сяоцю был тяжело ранен, Чан Сяохань спешил найти врача, чтобы спасти ему жизнь, и не успел допросить сопровождающих. До сих пор оставалось неизвестным, кто стоял за нападением. Он лишь написал письмо Чан Ваньли, описав случившееся. Однако Лю Сюаньань подумал, что письмо из Города Белого Журавля в Бюро сопровождения «Ваньли» неминуемо пройдёт через Город Алых Облаков, а там как раз были беспорядки, и почтовую станцию закрыл Ду Цзин.

— Напиши ещё одно письмо, — посоветовал он. — Предыдущее, скорее всего, потерялось — с почтовой станцией проблемы.

— Хорошо, напишу позже, — согласился Чан Сяохань, а затем осторожно спросил:

— Вы вернулись в Город Белого Журавля один? Где остальные?

Лю Сюаньань, понимая его тревогу, и сам от нечего делать, попросил чашку зелёного чая и вкратце поведал им обо всём, что случилось после той ночи и было связано с Бюро сопровождения «Ваньли». Чан Сяохань слушал, поражённый, а Чан Сяоцю пришёл в ярость.

— Так и знал, что эта ядовитая тварь никуда не годится! — выпалил он, а затем, встревоженный, добавил:

— Раз она наняла убийц для меня, то сможет и для отца! Дядя Чан, сначала отправь срочное письмо домой, потом собери вещи — сегодня же выезжаем в бюро!

Чан Сяохань заколебался:

— Но нога молодого господина...

— Какая сейчас разница до ноги! — Чан Сяоцю, опираясь на костыль, попытался заковылять в комнату, но поскользнулся и вскрикнул:

— Ай!

Лю Сюаньань, обычно медлительный, на этот раз двинулся с неожиданной проворностью — встал и отпрыгнул в сторону, позволив Чан Сяоцю с глухим стуком шлёпнуться в кучу сухой травы для растопки.

— Кх-кх!

Чан Сяохань поспешил помочь ему подняться.

Чан Сяоцю никогда не видел столь бессердечного человека. Кашляя, он ткнул пальцем в обидчика:

— Почему ты увернулся?!

Лю Сюаньань ответил, что, не увернись он, его бы придавило.

Чан Сяоцю чуть не харкнул кровью. Разве врачи из Поместья Белого Журавля — да и все врачи в мире — не должны спасать жизни? Как это врач может просто убежать, когда пациент падает!

Лю Сюаньань сказал:

— Если будешь так резко двигаться, пластину на ноге придётся переставлять, а кость срастётся криво.

Чан Сяоцю не слушал, вытянув ногу вперёд:

— Но я должен скорее вернуться и спасти отца!

— Господину Чану не нужно, чтобы ты его спасал, — сказал Лю Сюаньань. — Князь Сяо, полагаю, уже прибыл в Бюро сопровождения «Ваньли».

— Кто?! — в один голос воскликнули Чан Сяохань и Чан Сяоцю.

Их голоса прозвучали так громко, что у Лю Сюаньаня в ушах зазвенело. И он снова заметил одну вещь: большинство людей, особенно молодые мужчины, услышав «князь Сяо», неизменно взволнованно повышали голос. Как Цю Дасин из Города Алых Облаков, так и эти двое.

Чан Сяохань пока оставим. Что до Чан Сяоцю, то Лян Шу в его сердце прочно занимал первую строчку в списке «величайших героев всей жизни», обходя даже родного отца. В Бюро сопровождения «Ваньли» он частенько сбегал в чайную послушать сказания о ратных подвигах и мечтал хоть одним глазком взглянуть на князя Сяо. Но судьба распорядилась иначе: увидел-таки, да в полумёртвом состоянии... Что было хуже, чем не видеть вовсе.